

МОСКВА

Век. Москва. — 2003. — 31 июля. — с. 19

ГЛУПО ЖЕЛАТЬ СЛАВЫ

РИХТЕР НЕИЗВЕСТНЫЙ

Валентина ЧЕМБЕРДЖИ

В 10 часов утра выехали в Усть-Каменогорск. Очень жарко. Все уже еле дышат. С.Т. по-прежнему держится стоически, хотя, конечно, устал. Увидели воочию пустыню.

— Святослав Теофилович! Вся ваша жизнь — преодоление?

— Нет, почему?

— Конечно, преодоление. Вы все время ставите себе какие-то немислимые задачи.

— Главное преодоление — это преодолеть себя. А вот это-то мне и не удается.

Концерт в Центральном доме культуры Усть-Каменогорска. Перед выходом на сцену много шутил, но очень мрачно. «Может быть, мы уже не увидимся. Да». Я обещала немедленно спуститься вслед за ним.

— А если землетрясение?

— И я туда же.

— Вы, как К: «Слава, если будет трясти, ты согни ноги и приподнимись». А откуда я знаю, когда и где будет трясти? Так же и с землетрясением... (Вдруг.) Как вы думаете, они (публика. — В.Ч.) понимают?

— Скорее чувствуют высокое искусство, чем конкретно воспринимают произведения.

Между тем сегодня Моцарт и Лист были еще лучше. Рихтер благодарен чуткости слушателей. Пошел радостный (!) играть «бис». Хотя концерт длился больше двух часов.

Частая тема наших разговоров — кино.

— В фильме Феллини «Джинджер и Фред» — напрасно он упал (о Фреде — Мастрояни. — В.Ч.).

В 1968 и 1988 годах Святослав Рихтер предпринял грандиозные по масштабу гастрольные поездки через всю страну, с запада на восток, с востока на запад. Он давал концерты в городах, названий которых мы даже не слышали. Месяцы в общении с ним проводила Валентина Чемберджи. Тонкий литератор, человек, которому Рихтер доверял, она день за днем вела путевые записи. Из них сложилась ее первая книга «В путешествии со Святославом Рихтером». Но это уже библиографическая редкость. «ВМ» с любезного разрешения автора публикует краткие фрагменты второй книги — «О Рихтере его словами», которая готовится к изданию. Записи сделаны в поездке 1988 года от Алма-Аты до Хабаровска.

Рихтер считал, что без этого можно было обойтись. Феллини изобразил вакханалию царящей на телевидении пошлости, суеты, бездарности, фальши. Столкнул их с исполненным достоинства музыкальным танцем Джинджер и Фреда. И, как всегда, пошел до конца: очевидно, старый, слабый Фред во время танца упал. Удар ниже пояса. Феллини, однако, остался верен себе и довел свою идею до конца.

— Но какой удар по телевидению — по всей этой гадости! Телевидение, все эти космические эксперименты задурили людям голову. Люди разучились слушать и слышать друг друга. Теперь все отвечают на то, что, как они думают, я спрашиваю, а не на то, что я спрашиваю. Я спрашиваю: «Что?» А мне отвечают: «Полянского». Или: «Вы знаете, на меня напали!» — «Я так и думала, что здесь занавески грязные».

Я никогда не видела в руках С.Т. газеты. В разговоре пришлось к слову упоминание о них. С.Т. сразу вспомнил, что Марина Цветаева называла читателей газет «глотателями пустот». А Монтерлан (французский романист и драматург. — Ред.) сказал: «Смотрите, какие у вас руки после газет, такие же, как мысли».

В 12 часов выехали в Барнаул.

— Город, по-моему, чудный. Старый русский город, почти не испорченный. И люди тоже сохранившиеся.

— Какие же у вас теперь планы?

— Завтра концерт.

— Где?

— В Прокопьевске.

— Все-таки поедете? Это же через тайгу, нет дороги.

— Это неважно. Но раздражает, что никто не знает, сколько туда километров. Никто не знает географии. Некоторые даже не знают, где запад, где восток.

На вопрос журналиста из Прокопьевска: «Вы хотите приблизиться к народу?» — ответил:

— Мне интересно быть там, где я не был.

Открываясь от «миссии», С.Т. отвечал и по-другому:

— Удачно можно играть, только когда играешь часто.

Видя серьезного слушателя, Рихтер готов был говорить с ним прямо со сцены

И еще:

— Здесь самая лучшая публика, именно в таких городах.

Хотелось бы развеять легенды об инструменте, который якобы следовал за Рихтером. (Трудно представить себе рояль в юрте или в тайге!) Он играл на тех роялях, которые оказывались в залах.

Красноярск. После концерта смешные истории, стихи собственного сочинения вдруг сменились рассуждением о «Царской невесте». Лучшее в этой опере, по мнению Святослава Теофиловича, — это Любаша, ее песня — соло, — очень порусски; совершенно замечательная увертюра. Сюжет надуманный, псевдо-Гюго.

— А самая хорошая опера, может быть, — «Псковитянка». В ней чувствуется время. Возьмите клавир, стоит прочесть либретто. Эпоха. Свежая опера, не на мастерстве, а так получилось! Римский-Корсаков и Мусоргский писали вместе: Мусоргский писал «Бориса», а Римский-Корсаков — «Псковитянку» за одним столом. И чувствуется влияние Мусоргского на Римского-Корсакова.

Из опер Римского-Корсакова С.Т. больше всего любит «Снегурочку», «Псковитянку» и «Ночь перед Рождеством».

— Что бы вы считали главным в работе над оперным спектаклем?

— Прежде всего я бы думал о том, как поставить певцов с акустической точки зрения, чтобы голос несли — это самое главное. Потом, исходя из этого, можно уже думать о спектакле. Вообще главное в опере — дирижер, а не режиссер, как это теперь стало модно.

На станции Зима:

— Я всегда смотрю на все кругом, поэтому мне нравится ездить в машине. Когда я в первый раз ехал с Г. в Париж играть Генделя, то, хоть и множество раз уже все это видел, смотрел в окно, а он читал Никулина... Или Р: я ему говорю: смотрите, это собор Святого Стефана! А он взглянул и тут же отвернулся.

Разговор зашел о Гете:

— Он был действительно положительный, как «Вариации на тему Диабелли» или «Вариации Брамса на тему Генделя». Мудро-правильный. Мне очень нравятся «Герман и Доротея» и «Ифигения в Тавриде». «Стелла» — смелая пьеса в смысле морали: пожалуй, можно любить двух женщин! Земная любовь — смело для XVIII века. Очень хороший спектакль я видел в Burgtheater. Терпеть не могу «Рейнеке Лиса». «Годы странствий Вильгельма Мейстера» трудно читать, много про маонство, про какие-то сады. А «Годы учения» хорошо читаются. Очень люблю «Сродство душ», замечательная автобиография «Поэзия и правда». Я по-немецки все это читал.

Записала несколько высказываний:

— Бездарность и скука — самое страшное в людях.

— Ревность, зависть, властолюбие — самые худшие черты! Скучные.

— Глупо желать славы. Слава может быть только результатом. А как можно стремиться к славе?... Это даже непонятно.

С женой Ниной Дорлиак